ВЕРА ЛЕЙМАН

Женщина Моря

해녀

Вера Лейман

Женщина моря

Серия «ФантАзия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66558554
В. Лейман. Женщина моря: SelfPub; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-152376-3

Аннотация

Ли Сона – внучка потомственной хэнё, женщины-ныряльщицы. После неудачной попытки покорить столицу она возвращается на остров Чеджу к бабушке, чтобы начать жизнь заново. У Сона паническая боязнь глубины – батофобия, она презирает профессию ныряльщицы и никак не может наладить отношения с бабушкой. После возвращения в родной город с ней начинают происходить необъяснимые, пугающие вещи, которые приводят ее к разгадке одной из самых страшных тайн своей семьи.

Содержание

Отзывы читателей 5
Глава 1 9
Глава 2 27
Глава 3 61
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Вера Лейман
Женщина моря

© Вера Лейман, 2023
© Yasha Wang, иллюстрация на обложке
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Отзывы читателей

Герои взрослые, у каждого за плечами печальный опыт, ошибки и разочарования. Главная героина Ли Сона сильная и самодостаточная, но глубоко несчастная. Каково любить море и ненавидеть его, ощущать себя частью этой стихии и бояться глубины? Можно сойти с ума. Сона порой так и думает, когда сталкивается с необъяснимыми явлениями. Она просыпается в постели, насквозь вымокнув в морской воде с ощущением, что её опутывают щупальца морского чудовища, видит тонущую девушку, слышит голоса. Нет, книга не фэнтези, мистический элемент вплетен настолько аккуратно и достоверно, что кажется частью реальности. Это мой любимый магреализм.

Сона боится моря, ненавидит остров, чувствует себя обманутой и несчастной из-за необходимости бросить любимую работу и вернуться туда, где все началось, где ее поджидает незавершенное дело и воспоминания о первой несчастной любви. В ней много боли, но и много силы, она справляется со страхом глубины, прощает предавших её людей и, наконец, находит ответную любовь. А она все время была рядом. Незаметная и солнечная, теплая и окрыляющая. Это не тот, кто разбудил её сердце и кого она продолжала мучительно любить долгих семь лет. Это тот, кто всегда был рядом, всегда приходил на помощь, когда она и не просила,

поддерживал и улыбался. В конце концов, именно Хван возвращает ей море, а морю – Ли Сона.

Необычная история, пропитанная морской солью и солью от слез. В плотный клубок сплелись судьбы многих людей, прошлое так и норовит утопить будущее героини, не дает ей покоя, пугает и мешает жить.

Татьяна Грачева

Море – абсолютно самостоятельный персонаж этого романа. Живой, зеркалящий, дополняющий, дающий ответы и хранящий тайны, которые порой можно доверить только ему.

Помай свою волну – ведь в море их бесчисленное множество, как и людей вокруг, но, когда приходит именно твоя, весь мир сразу с тобой заодно, потому что и ты становишься заодно с миром. И ты летишь, чувствуя уверенность, когда тебе не мешают, но всегда поддержат. Сона нашла и свою волну, и своего человека.

Что хочется отметить отдельно, в истории нет ни одного абсолютно положительного или отрицательного героя. Здесь просто люди, со своими страхами, комплексами, переживаниями, совершающие ошибки и подлые поступки, но в которых – ни в одном из них, и даже появляется надежда, что глав. редактор из Сеула когда-нибудь точно поднимет и свой брошенный в другого камень – человеческое не утеряно, и

оно проявляет себя, делая каждого мудрее и позволяя хотя бы попытаться исправить то, что натворили их слова и действия.

Каждый проходит свой путь развития в поиске себя. И снова мои любимые ассоциации и метафоры, которых с лихвой хватило бы в одном многослойном образе моря, но ближе к финалу появляется вулкан и восхождение на его вершину, когда не хватает дыхания, когда через не могу, когда на голом упрямстве и жажде достичь цели, медленно и настойчиво ползёшь вверх. Вот так же Ли Сона совершает своё духовное путешествие на протяжении всей истории. Не знаю, была ли таковой задумка Автора, свести настолько красиво это внутреннее и внешнее преодоление, но получилось блестяще!

В начале мы слышим от одного из героев такую фразу: «Мечты – это привилегия, на которую имеют право не все».

В конце получаем ответ от героини: «Как часто в жизни мы гонимся за несбыточными мечтами и не замечаем, что всё, что нам нужно, всегда было рядом».

Простой ответ, но ведь самое простое всегда и есть самое сложное в нашей жизни.

Анна Евдо

Интригующая, атмосферная и пленительная история. Она

знакомит нас с традициями и обычаями, погружает в быт такого далекого, но безумно интересного корейского народа. Любители моря обязательно должны прочесть столь увлекательную работу.

@olly_way

Ольга Тихонова

Глава 1

Сона, кажется, в сотый раз набрала номер подруги, сердито наблюдая за тем, как зал аэропорта наполняется счастливыми обнимающимися людьми. Она нервно постукивала носком кроссовка, слушая длинные гудки. Настенные часы показывали полночь, и Хесу вполне могла заснуть, забыв о том, что обещала встретить ее в аэропорту. Взвалив на спину тяжеленный рюкзак, Сона обреченно взялась за ручку чемодана и поплелась к выходу. «Ну что за растяпа! Постоянно все забывает!» – ругала она про себя бывшую одноклассницу, с которой они дружили уже больше пятнадцати лет: с тех самых пор, как обе перешли в среднюю школу. Толкаясь на платформе среди людей, ждущих автобус, Сона без особой надежды вновь набрала номер. Длинные гудки без ответа. «Надеюсь, бабуля в курсе, что я должна сегодня приехать. Для полного счастья не хватает только остаться ночевать на улице».

Вдыхая непривычно соленый, влажный воздух, девушка рассеянно рассматривала темные силуэты пальм на противоположной стороне дороги. Она не была в родном городе семь лет, если не считать похорон родителей три года назад. Ее никогда не тянуло на Чеджу, потому что с этим красивым тропическим островом, куда толпами съезжались туристы со всего мира, у нее было связано мало хороших воспомина-

ний. Да и бабушка никогда не изъявляла желания увидеть внучку после того, как та поступила в Сеульский университет и уехала в столицу.

Спустя пятнадцать минут к остановке подъехал автобус, и устало толкающийся народ хлынул к открывшимся дверям. Зажатая в конце салона между высоким прыщавым студентом и громкоголосой аджуммой[1], от которой нестерпимо несло дешевыми приторными духами, Сона проклинала Чеджу с его неразвитым транспортным сообщением. Будь она сейчас в Сеуле, то уже давно с комфортом ехала бы в сторону дома. Но метро здесь отсутствовало, а автобусы ходили так редко, что проще было добраться на велике. В салоне стояла духота, и Сона попыталась дотянуться до люка на крыше, чтобы впустить немного свежего воздуха, но в ужасающей давке не смогла даже поднять руку. Сквозь непрерывную трескотню стоявшей перед ней женщины она вдруг услышала рингтон своего телефона и кое-как вытащила сотовый из заднего кармана джинсов.

– Проснулась? – ворчливо буркнула в трубку Сона.

– Прости-прости-прости! – виновато затараторила подруга, и Сона живо представила, как та умоляюще потирает ладони друг о друга, плаксиво сдвинув брови. Хесу всегда так делала, когда косячила. И происходило это не так уж и редко. – Я совсем забыла завести будильник! Читала мангу и сама не заметила, как уснула! Я сейчас приеду, подожди меня.

---

[1] Аджумма – женщина средних лет и старше.

Странно, но ее голос совсем не казался сонным.

– Забудь, я уже еду. Жаль, не смогу оценить твою новую тачку, о которой ты столько говорила, – вздохнула Сона, вовремя схватившись за поручень, когда автобус резко затормозил. Шумная тетка наконец-то вышла, и она с облегчением расправила плечи. – Надеюсь, ты не забыла предупредить бабушку, что я прилетаю сегодня?

– Не забыла! – звонко рассмеялась подруга, и Сона невольно улыбнулась от осознания, как соскучилась по ее открытой, дружелюбной улыбке.

– Извини, что опять тебя напрягаю. Но бабуля упорно не хочет покупать сотовый. Ты же ее знаешь.

Хоть сегодня Хесу и забыла о своих дружеских обязанностях, Сона была ей благодарна за то, что она навещала бабушку и заботилась о ней почти семь лет. Иногда казалось, что бабуля любит Хесу больше, чем родную внучку.

– Все нормально! Мы же подруги! – беззаботно ответила Хесу. – Встретить тебя на остановке?

– Не надо, уж несколько сотен метров я как-нибудь пройду сама. Увидимся завтра.

Попрощавшись, Сона завершила звонок и устремилась к освободившемуся месту. Прислонившись головой к стеклу, прикрыла глаза, ощущая тоску, смешанную со странной, болезненной радостью. Она уже скучала по комфортной, шумной сеульской жизни, но какая-то, совсем крошечная, частичка ее сердца испытывала радость от возвращения домой.

Все-таки здесь не всегда было плохо, и Сона могла с уверенностью сказать, что ее детство и юность прошли счастливо. До определенного момента.

Ким Ухен. Это имя моментально всплыло в голове, будто его там кто-то напечатал, и Сона передернула плечами. Удивительно, что прошедшие семь лет так и не стерли до конца связанные с ним болезненные воспоминания.

Оставшиеся тридцать минут до пляжа Чхунмун она гнала от себя неприятные мысли, пытаясь сосредоточиться на своем будущем, которое, кстати говоря, представлялось весьма туманным. Сона понимала, что с филологическим образованием найти работу по профилю на крошечном острове сложно, и пока не знала, чем будет заниматься. И даже чем хочет. По ее подсчетам, денег, накопленных во время работы в издательстве, должно хватить на два-три месяца, за которые нужно определиться и найти новое занятие. Процветающий на Чеджу туристический бизнес ее совсем не привлекал, а работа продавцом в круглосуточном магазине вызывала тошноту. Это точно не для нее, и стоять за прилавком она будет только в случае крайней нужды. Ей хватало красочных рассказов Хесу, которая так и не смогла найти достойное место и каждый день выслушивала недовольства покупателей или липкие намеки подвыпивших аджосси[2]. Сона считала полными неудачниками людей с высшим образованием, которые работают на низкооплачиваемой должности

[2] Аджосси – мужчина средних лет и старше.

не по специальности. И в глубине души она презирала за это Хесу, хотя никогда не призналась бы себе в этом.

Однообразная темнота трассы сменилась встречающимися тут и там маленькими деревеньками, и вскоре автобус въехал в район пляжа Чхунмун. Двух- и трехэтажные дома на узеньких улочках разнообразили унылый пейзаж за окном, и Сона с тоской заметила, что знакомые до боли здания все еще стоят тут, словно и не прошло целых семь лет. Уходящая влево дорога вела к ее бывшей школе, а прямо – к расположившимся у прибрежной полосы отелям, многие из которых построили совсем недавно.

Вытащив из автобуса тяжеленный чемодан, Сона вышла на автобусной остановке и обреченно вздохнула: ей предстоял неблизкий путь до бабушкиного дома. Влажный субтропический воздух облеплял кожу, создавая противное ощущение липкости. Она устала, хотела в душ, поесть и наконец лечь спать. Черт бы побрал эту бестолковую девчонку! Если бы Хесу не проспала, Сона уже была бы дома.

Поправив впивавшиеся в плечи лямки рюкзака, девушка уныло поплелась домой мимо закрытых кафе, невысоких пальм и уже давно спавших домов. Не думала она, что когда-нибудь вновь сюда вернется. Жизнь действительно удивительная штука. Впереди маячила черная полоса Восточно-Китайского моря, и спустя несколько минут Сона вышла на пешеходную дорогу, которая уходила вверх на поросший молодыми хвойными деревьями склон. Маленькие

двухэтажные здания, среди которых она уже видела бабушкин ханок, тесно лепились друг к другу и совсем не вызывали желания подняться на скалу.

Семь лет назад Сона уехала отсюда, клятвенно пообещав себе больше никогда не возвращаться в это богом забытое место. Но вот, потеряв все, чего смогла добиться за прошедшие годы, она снова стоит здесь и смотрит, как волны разбиваются о выступающие из воды черные вулканические камни. Уперев руки в холодный металл заграждения, Сона окинула взглядом мрачный морской простор и поежилась. Она с детства боялась воды, напуганная страшными легендами островитян о живущих в морских глубинах русалках и духах, стремящихся завладеть телами рыбаков и ныряльщиц хэнё[3]. Иногда ей казалось, что в ее бабушку точно кто-то вселился, а иначе она никак не могла объяснить ее отношение к родной внучке.

– Поздновато для прогулок, – услышала она вдруг рядом знакомый голос и вскрикнула от неожиданности.

Развернувшись, Сона испуганно посмотрела в холодные глаза, от взгляда которых на мгновение перестала чувствовать сердце. Ухен. Ее первая и, как оказалось, не совсем забытая любовь. Прошедшие годы сильно его изменили, превратив из угловатого худосочного подростка в высокого, ши-

---

[3] Хэнё – дословно переводится как «женщина моря». Корейские ныряльщицы, зарабатывающие на жизнь добычей моллюсков с морского дна. В настоящее время, в связи с экономическими изменениями, профессия является вымирающей.

рокоплечего молодого мужчину. Модная стрижка, свободная белая рубашка, заправленная в зауженные джинсы. Расстегнутый на пару пуговиц ворот открывал скульптурные ключицы, по которым хотелось провести пальцами. Сона сжала ладонь и слегка усмехнулась, по привычке скрывая свои чувства. Жизнь в столице хорошо научила ее держать лицо.

– Ты что, ждал меня? Хесу проболталась о моем приезде? – Она не могла отвести взгляд от удивительно преобразившегося лица бывшего парня. «Наверное, пластику сделал», – злорадно подумала Сона, не зная, как оправдать для себя его внезапную привлекательность.

– А ты совсем не изменилась. Все так же думаешь, что мир вертится вокруг тебя. Нет, я просто иду домой, – хмыкнул Ухен, глубоко засунув руки в карманы. Она не могла понять, о чем говорит его взгляд, и почувствовал ли он что-нибудь, встретившись со своей первой любовью спустя семь лет.

– Что, родители уже не запрещают тебе приходить позже одиннадцати? Твой отец наконец увидел, что ты давно вырос и можешь сам принимать решения? – съязвила Сона, не сумев побороть желание уколоть его прошлым.

Лицо Ухена окаменело, из глаз посыпались ледяные иглы. Но они отскакивали от наслаждавшейся своей маленькой сатисфакцией Сона, совершенно не задевая ее чувств.

– Конечно, нет, – процедил он сквозь стиснутые зубы. – Ведь я перестал встречаться с кем попало и нашел хорошую

девушку. Мне немного неловко, что отец считал тебя недостойной партией для меня, но время все расставило по своим местам. Только сейчас я понял, как он был прав.

У Сона внутри словно разорвалась ядерная бомба. Если бы этот идиот знал, что сделал его отец, всеми силами пытаясь разорвать их связь, то не стоял бы сейчас с видом победителя и не пытался унизить девушку, которая семь лет назад сделала самый сложный в своей жизни выбор! Она шумно втянула носом воздух и заставила себя улыбнуться. Но из-за выплескивающейся изнутри несправедливости улыбка вышла кривой и болезненной.

– Наверное, очень удобно жить по чужой указке? Особенно когда в юности мечтал стать баскетболистом, а в итоге работаешь в администрации города, куда тебя пристроил папочка мэр для поддержания своего имиджа.

Ухен выдернул руку из кармана, и на мгновение ей показалось, что он ее ударит. Но он медленно засунул ладонь обратно и смерил девушку презрительным взглядом.

– А ты, похоже, осталась без работы, раз вернулась домой? В Сеуле неожиданно выяснилось, что ты не центр Вселенной, и никому там нет до тебя дела?

Это был удар в самое больное место. Сона сделала шаг вперед, у нее чесались руки врезать заносчивому негодяю, который по какой-то причине волновал ее, даже произнося эти ужасные слова. Пытаясь уколоть друг друга побольнее, они оба понимали, что на самом деле так не думают и во-

все не ненавидят друг друга. Но недосказанность и неразрешенные обиды прошлого терзали их, заставляя говорить слова, которые еще глубже вонзали нож в едва затянувшийся на сердце рубец.

– Я хотя бы попробовала осуществить свою мечту. И мне не стыдно из-за того, что у меня не получилось. – Она еще раз повернула лезвие во вновь открывшейся ране и отвернулась к морю, стараясь дышать ровно.

Это не должно выбить ее из колеи. Она сильная, уверенная в себе девушка, и Ухену даже не снилось, через что она прошла, пытаясь отвоевать себе место под солнцем. Черные волны набегали на берег и, раз за разом откатываясь назад, постепенно уносили ее боль в темную пучину.

– Мечты – это привилегия, на которую имеют право не все, – тихий и неожиданно печальный голос Ухена потерялся в шуме моря.

Сона обернулась и увидела его удаляющуюся упрямую спину. Ей стало невыносимо жаль. Жаль ушедших чувств, которые когда-то казались такими же прочными и непоколебимыми, как утес, на котором бок о бок стояли их дома; жаль своей беззаботной юности и уничтоженных иллюзий; жаль себя и Ухена, так и не сумевшего найти силы для борьбы и обреченно отдавшего свою жизнь в руки эгоистичного и беспринципного отца. Отчаянно жаль, что невозможно переписать свою жизнь заново.

– …Ли Сона! Ли Сона!

Сегодняшний урок физкультуры ничем не отличался от предыдущих: едва Сона вошла в зал, ее окружили мальчишки, самые смелые из которых наперебой звали на свидание, совали в руки сок и сладости.

– Пойдем в раздевалку, – Хесу почему-то рассердилась и потянула подругу за руку, грубо оттолкнув особо прилипчивого одноклассника.

– Сона, давай встречаться! – Неугомонный Мин Джон обогнал их и бежал спиной вперед, улыбаясь во весь рот.

– Отвали, – беззлобно бросила Сона, по привычке игнорируя назойливого парня. Ей, конечно, льстило повышенное внимание к ее персоне, но она бы предпочла видеть на месте поклонника другого человека. Не то чтобы Мин Джон был уродливым, но… он не Ухен.

– Сегодня отец уходит на ночное дежурство, приходи ко мне. Фильмы посмотрим, закажем курочку и…

– Тебе сказали, чтобы ты отвалил.

Мин Джон вдруг нелепо взмахнул руками и с грохотом рухнул на пол спортзала прямо под ноги девочкам. Сона затормозила, увидев позади него сердитого Ухена, который так вовремя появился и поставил подножку прилипчивому однокласснику. Сердце подпрыгнуло к горлу, и девушка вдруг почувствовала, как отчаянно краснеет. Ухен секунду сверлил ее глазами, а затем развернулся и невозмутимо направился в сторону мужской раздевалки, глубоко засунув руки

в карманы.

– Ты ему, похоже, нравишься, – тихо сказала Хесу, дернув подругу за руку.

Сона опустила голову, скрывая за волосами счастливую улыбку.

– Ерунда! Он просто мне помог. – Весело рассмеявшись, она стиснула Хесу в объятьях. – Пойдем скорее, урок скоро начнется.

Почему-то это воспоминание было особенно дорого. Лежа на кровати в университетской общаге, она вставляла в уши наушники, чтобы отгородиться от шумных соседок по комнате. Повернувшись лицом к стене, пыталась уснуть и воскрешала в памяти именно этот момент. Едва уловимое, тонкое и эфемерное, как утренний туман, зарождение первых настоящих чувств. Ни первый поцелуй, ни свидания, ни страсть не сравнятся с тем ощущением чего-то важного и очень сильного, которое испытываешь, только влюбляясь в первый раз. Оно неповторимо. И его невозможно пережить снова.

Тряхнув головой, Сона прогнала кружившие возле нее призраки прошлого и вновь стала собой. Больше никаких слезливых воспоминаний! Они уже не сентиментальные подростки, и теперь в Сона взыграл дух соперничества. Может, он и сынок богатенького папочки, но у него нет того, что есть у нее – свободы. «Еще посмотрим, кто кого!» – запальчиво

подумала она, поправила рюкзак и вновь потащила чемодан наверх. Ей не хотелось всю дорогу смотреть на удаляющуюся спину Ухена, поэтому она ускорила шаг, чтобы обогнать бывшего бойфренда. Пусть лучше он смотрит ей вслед и думает, каким идиотом был раньше. Багаж был ужасно тяжелым и тянул ее вниз, но Сона упрямо переставляла нывшие от усталости ноги, то и дело сдувая со лба фиолетовые пряди уже отросшей челки, которые постоянно лезли в глаза и еще больше раздражали. Поравнявшись с Ухеном, она тряхнула головой и послала ему уничтожающий взгляд.

– Не тяжело? – ухмыльнулся он, иронично кивнув на ее багаж. – Может, помочь?

– Спасибо, без тебя справлюсь, – пытаясь выровнять дыхание, Сона подошла к железной резной калитке и толкнула дверь. Заперто! Стараясь не смотреть на наблюдающего за ней Ухена, она сунула руку в почтовый ящик, куда бабушка обычно клала ключи. Если Хесу и в этот раз ее подставила, то она прямо сейчас заявится к ней и устроит скандал на глазах у соседей. Но, к счастью, маленькая связка была на месте, и Сона открыла ворота.

– Не могу сказать, что была очень рада тебя видеть, но… Спокойной ночи, – отсалютовав Ухену, она затащила чемодан во двор и захлопнула дверь, устало привалившись спиной к железным прутьям.

Услышав, как щелкнул соседский замок, она вздохнула, осматривая знакомый с детства двор. Единственный фонарь,

висевший над входом в сарай, едва освещал выложенную каменными плитами дорожку к дому. Во всем чувствовалось запустение: покосившаяся дверь, облупившаяся краска на стенах, пробивавшиеся сквозь плиты пучки травы. Стойкий рыбный запах, который Сона ненавидела с детства, словно ядовитая змея, заползал в ноздри. Ярким пятном возле входа в сарай выделялся оранжевый буй поверх корзины для сбора моллюсков, и Сона поняла, что бабушка совсем недавно опять выходила в море. «Когда она уже перестанет! Только здоровье гробит», – с досадой подумала Сона и, старательно обходя провонявшую сетку, направилась к дому.

Свет не горел ни в одной комнате, и бабушка наверняка уже давно спала. Сона и не надеялась, что она встретит ее с дороги. Не такой была госпожа Со Миндже. Скользнув взглядом по каменной фигурке харубана[4] напротив бабушкиной комнаты, Сона разулась, шагнула на деревянный порог и потянула за кольцо дверь своей спальни. Постаралась как можно тише занести свои вещи и нажала на выключатель.

Яркий свет озарил до боли знакомую обстановку. Все было точно так же, как и семь лет назад: высокий, забитый книгами шкаф возле стены, низенький столик с настольной лампой, деревянный, грубо сделанный комод со свернутыми на нем постельными принадлежностями и маленькое, выходя-

---

[4] Харубан – в переводе с диалекта Чеджу означает «старый дед». Каменный идол, покровитель острова Чеджу, охраняющий территорию.

щее в сад окно, занавешенное короткой шторкой в ярких маках. Прикидывая, куда сложить привезенные вещи, Сона услышала шум в соседней комнате, а затем – тяжелую поступь. Дверь распахнулась, и Сона встретилась взглядом с недовольной, заспанной бабушкой.

– Приехала, – скрипуче протянула та, делая шаг в комнату. Ни тебе «почему ты вернулась?», ни «как долетела?», ни даже простого дежурного «как дела».

Сона не видела ее всего три года, но была поражена тем, как сильно она постарела. На одутловатом, обветренном лице появилось еще больше морщин, плечи опустились, а короткие худые ноги деформировались в коленях. Из-за кессонной болезни бабушка всю жизнь мучилась болью в суставах, и Сона с болью поняла, что недуг прогрессирует. Придерживаясь за хрупкую створку двери, старушка вошла в комнату и, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, подошла к комоду.

– Поешь, на кухне остался рис от ужина. Кимчи во дворе. Больше ничего не готовила, – отрывисто бросила она, снимая матрас, подушку и одеяло.

– Я сама, бабуль, – Сона подхватила слишком большую для пожилой женщины ношу и бросила на пол. – Ты продолжаешь нырять?

– А как же, – совершенно без эмоций ответила бабушка и посмотрела на внучку колючим взглядом. Она всегда так на нее смотрела. С детства Сона чувствовала ее осуждение,

как будто все время была в чем-то виновата, даже если не сделала ничего плохого.

– Тебе нужно отдохнуть и позаботиться о себе, – в очередной раз она попыталась достучаться до упрямой женщины. – В наше время эта профессия потеряла свое значение, ты просто зря гробишь свое здоровье! Кому нужны твои моллюски, добытые таким чудовищным способом, когда их давно уже выращивают в искусственных условиях?

– Ты такая же, как и твоя мать! – сварливо буркнула бабушка, поворачиваясь к выходу. – Я хэнё в пятом поколении, но ни моя дочь, ни внучка не продолжили историю нашей семьи!

Громко топая, она вышла за дверь, и Сона еще долго слышала за стеной ее ворчание о том, что современные девушки не ценят традиции, уезжая в Сеул за легкими деньгами. «Легкие деньги? Знала бы ты, через что мне пришлось пройти в Сеуле», – вздохнула Сона, открывая ведущую на кухню дверь. Прошла в душ, включила бойлер и вернулась к холодильнику. Порывшись на полках, достала яйца и зажгла конфорку на газовой плите. Готовить она не любила и особо не умела, и все попытки мамы воспитать из нее образцовую хозяйку не увенчались успехом.

Скудно поужинав, Сона наконец зашла в душ и скинула несвежую одежду. Стоя под тугими струями воды, она вернулась мыслями ко встрече с Ухеном. Первое потрясение прошло, и Сона попыталась отбросить эмоции и рассуждать

хладнокровно. Они живут по соседству и наверняка теперь будут часто видеться. Невозможно каждый раз бередить старые раны, нужно учиться как-то сосуществовать и не тыкать друг друга носом в старые обиды. Хотя пока это казалось практически невыполнимым…

Высушив волосы феном, Сона осмотрела себя в зеркало и провела рукой по рваным прядям. Ее асимметричное каре уже заметно отросло и потеряло форму. «Нужно подстричься, – сказала она себе, вспоминая хорошие салоны в округе. – Да и вообще вплотную заняться собой и вернуться к нормальному ритму жизни, а то мой внешний вид никуда не годится». На самом деле, природа щедро одарила Сона: большие миндалевидные глаза с двойным веком, прямой тонкий нос, пухлые губы, высокие скулы и ровный цвет лица вызывали зависть не только провинциальных одноклассниц, но и столичных коллег. Все они шептались за ее спиной, утверждая, что она полностью перекроила себе лицо, поэтому и выглядит, как актриса. Их злобные комментарии вызывали у Сона только самодовольную ухмылку. Она-то знала, что ее красота натуральная, и этим убогим девицам никогда с ней не сравниться. Но из-за нервотрепки последних месяцев и постоянной бессонницы сейчас она выглядела нездоровой и блеклой, как увядающий цветок.

Повесив полотенце на сушилку, Сона вернулась в комнату. По сравнению с ее съемной квартирой в Сеуле она казалась крошечной, как спичечный коробок. А еще мрачной и

унылой. «Нужно будет обязательно сделать ремонт, – подумала Сона, подходя к полке с книгами. – Перекрасить стены, купить кровать, письменный стол и нормальный шкаф для одежды».

Рассеянно поглаживая пальцами корешки учебников, по которым она готовилась к экзаменам, Сона невольно заулыбалась, вспоминая свою беззаботную юность. Сколько надежд и планов у нее тогда было! Она собиралась покорить весь мир, а в итоге вернулась домой ни с чем…

Шагнув влево, она вздрогнула, ступив ногой во что-то мокрое и холодное. Прошипев сквозь зубы ругательства, отступила назад и наклонилась, с удивлением рассматривая довольно большую лужу, вытекающую из-под шкафа. Сона осторожно принюхалась и ощутила соленый запах морской воды, который перепутать с чем-то другим было невозможно. Ничего не понимая, она взяла в ванной тряпку, тщательно все вытерла и стала исследовать шкаф. Странно, но все полки и книги оказались совершенно сухими.

– Может, вчера был ливень? Не удивлюсь, если крыша течет или в стене трещина… – пробормотала она себе под нос, пытаясь, насколько возможно, ощупать стену. Сухо.

Откуда тогда могла взяться лужа? Сона напрягла память и поняла, что, когда первый раз зашла в комнату, никакой воды здесь не было. Какое-то тоскливое чувство вдруг сжало сердце, и она инстинктивно обхватила себя за плечи, внезапно испытав беспричинный, суеверный страх.

«Ерунда! Может, пока я была в душе, сюда заходила бабушка. Наверное, случайно что-то разлила и не заметила, – успокоила она себя, все же с опаской косясь на то место, где несколько минут назад обнаружилась вода. – И когда я стала такой трусихой?»

Мысленно подбадривая себя, Сона на всякий случай передвинула постель подальше от шкафа и выключила свет. Непривычная тишина маленького городка после шумного, никогда не спящего Сеула давила, и девушка вставила в уши наушники, негромко включив любимый плейлист. Ненавистный запах рыбы, моллюсков и морской воды, который, кажется, пропитал каждый сантиметр этого дома, раздражал обоняние, поэтому Сона накрылась с головой и постаралась расслабиться. Ей никак не удавалось заснуть, но усталость и недосып давали о себе знать, и под тихие звуки песен любимой группы она провалилась в тяжелый, тревожный сон.

Глава 2

Ночь прошла в беспокойных снах. Сона постоянно мерещилось, что кто-то ходит по комнате, и она несколько раз вздрагивала, со страхом оглядывая спальню. Проснулась она на рассвете с больной головой и ощущением, что ее переехал фургон: было непривычно снова спать на полу, и теперь она чувствовала себя старой развалиной. Запутавшись в проводах наушников, Сона раздраженно сдернула их с шеи и, кряхтя, села на постели. Было чудовищно рано, но, как назло, спать уже не хотелось.

Навязчивый рыбный запах по-прежнему витал в воздухе, и она открыла окно, чтобы проветрить комнату. Теплый ветер принес с улицы аромат диких хризантем и воспоминания о далекой юности, когда они с Ухеном целовались на заднем дворе его дома, прячась в ярко-лиловых клумбах. «И чего это меня понесло? Нужно думать о том, как найти хорошую работу, а не о засранцах из прошлого». Упрямо тряхнув головой, она поднялась и прошлепала на кухню в поисках кофе.

Естественно, глупо было надеяться, что у бабушки есть кофемашина. Все, что нашлось на полках – растворимый три в одном. Сона скривилась. Его не то что пить, нюхать не хотелось. «Не знаю, смогу ли я здесь выжить без нормального кофе», – подумала она, все же вскрыв упаковку. Надежда

умирает последней. А вдруг он не такой отвратительный, каким она его помнила? Заварив половину чашки, Сона вышла во двор и обернулась на поднимавшееся из-за дома солнце, которое еще пряталось в розово-оранжевых перистых облаках.

Сжав пальцами горячую чашку, она сделала пару глотков и с отвращением поморщилась: как вообще можно пить эту гадость? Но по многолетней привычке организм требовал хотя бы подобия кофеина, и, закрыв глаза, Сона предприняла еще одну мужественную попытку распробовать отвратный напиток. Нет, точно нет.

Окрестности Чхунмун еще окутывала тишина, и за голубыми решетками калитки отчетливо слышался тихий шелест волн. Сона открыла ворота и подошла к заграждению, глядя на то, как оживает мир под лучами просыпающегося солнца. На горизонте серо-голубое море сливалось со стальным небом в туманной дымке. Белые барашки волн размеренно разбивались о черные скалистые выступы у берега, разбрызгивая крупные хлопья пены. У Сона что-то сладко заныло внутри от этой почти невыносимой красоты. Перед ней будто расстилался весь мир, и тихий морской простор шептал, что все будет хорошо, она восстанет из пепла и вновь поверит в себя.

– …тише! Блин, калитка скрипит, черт ее возьми!

Чей-то громкий шепот словно плеснул черной краски на голубое полотно. Сона сердито обернулась и едва не выро-

нила чашку из рук. Крадучись, словно воры, из соседского дома вышли Ухен и…

– Хесу! – Сона инстинктивно дернулась, чтобы обнять подругу, но остановилась, пораженная неожиданной догадкой. – Ты что здесь делаешь в такую рань?

Ухен и Хесу отшатнулись друг от друга, разрывая сцепленные руки. Подруга была одета в светло-бежевое шифоновое платье, на ногах – лакированные туфли на тонкой шпильке, длинные пряди волос крупными волнами спускались по плечам. Она выглядела так, будто собралась на свидание, но макияж размазался, и вокруг пухлых губ остались едва заметные бледные следы, как будто она только что… с кем-то целовалась.

Хесу шагнула навстречу Сона, не сводя с нее вытаращенных от страха глаз.

– Понимаешь, мы… – Она бросила умоляющий взгляд назад.

Заметив этот знак, Ухен выпрямил спину и демонстративно обнял ее за плечи.

– Мы встречаемся.

Сона показалось, что небо, которым она только что любовалась, рухнуло ей на голову и вбило в землю по самую макушку.

Ухен самодовольно смотрел на бывшую пассию, очевидно, наслаждаясь ее потрясением. Хесу выглядела жалко и едва сдерживала слезы, но руку Ухена не скинула, словно хо-

тела остаться под его защитой.

– И давно?

– Год… – прошептала Хесу, опуская глаза.

Год? Уже год?! И она все это время молчала?! Ни словом не обмолвилась! После смерти родителей Хесу была ее самым близким человеком, Сона рассказывала ей все. И она лучше всех знала, чего ей стоило пережить расставание с Ухеном. А теперь его рука лежит на ее плече, и лучшая подруга делает вид, что это совершенно естественно.

– Поздравляю, хорошо смотритесь вместе, – глухо выдавила Сона, пытаясь сохранить остатки гордости.

– Прости! – Хесу вскинула на нее полные слез глаза и умоляюще сложила руки. – Я не знала, как тебе об этом рассказать! Я знала, что тебя это ранит и…

– С чего бы? – криво ухмыльнувшись, Сона до побелевших костяшек стиснула в руке чашку и хлебнула уже остывший кофе. Мерзкий напиток, словно мазут, медленно потек по пищеводу, вызывая приступ тошноты. – Немного обидно, конечно, что ты не рассказала, но, с другой стороны, я тоже не сообщала тебе о каждой своей интрижке.

Очень хотелось убежать домой, но ноги не слушались. Ей оставалось только стоять и смотреть на свою бывшую любовь рядом с лучшей подругой и пытаться переварить эту гнусную ложь.

– Прости… – опять захныкала Хесу, и Сона впервые в жизни захотелось влепить ей пощечину.

– А чего вы крадетесь, как воры? Папочка опять запрещает тебе встречаться с девушкой не твоего круга? – язвительно выдавила она.

– Совсем нет. – Красивое лицо Ухена расплылось в удовлетворенной ухмылке. Он понял, как ей больно. – Просто родители не знают, что Хесу осталась у нас ночевать. У них очень консервативные взгляды, ты же знаешь.

– То есть ты не встретила меня в аэропорту не потому, что проспала, а из-за того, что была с ним? – спросила Сона, все еще не веря, что это правда.

– Я попросила Ухена пойти тебе навстречу и проводить до дома! – залепетала Хесу, размазывая по лицу слезы вперемешку с осыпавшейся тушью.

– О, спасибо, я очень тронута! – Внутри все клокотало от гнева, и Сона едва сдержалась, чтобы не выплеснуть ей в лицо остатки кофе. Жаль, уже холодного. – Я, пожалуй, пойду. Да и вам пора, пока родители вас не застукали. Спишемся, – кивнула она Хесу, открывая калитку.

В несколько широких шагов Сона добежала до своей комнаты и рухнула на постель, накрывшись с головой одеялом. Ревность и злость сжигали изнутри. Как эта девчонка посмела покуситься на ее Ухена? Да кем она себя возомнила! Бегала за Сона по пятам в школе, чтобы получить хоть каплю ее популярности, а теперь считает, что имеет право встречаться с ее бывшей любовью? Слабый голос разума осторожно поднял голову, напоминая, что они уже давно расстались, и

Хесу тоже имеет право на счастье, но Сона безжалостно заставила его замолчать. С нее хватит! Мало того, что она обнаружила в себе еще не угасшие старые чувства, так теперь и подруга вонзила нож в спину. Проклятый Чеджу! Зачем она только вернулась! «Я это так не оставлю, – полыхала ненавистью Сона, сжимая пальцами край наволочки. – Я всегда знала, что Хесу неровно к нему дышала, но даже и подумать не могла, что она осмелится предать меня!» Твердо решив сделать все возможное, чтобы разрушить их отношения, она все никак не могла успокоиться, придумывая коварные планы. «Хесу, конечно, довольно милая, но даже близко не сравнится со мной. Ухен никогда не будет любить ее так, как меня, и я позабочусь о том, чтобы их интрижка закончилась как можно скорее».

Не для того она отказалась от него, чтобы потом преподнести на блюдечке Хесу. И если бы знала, что все так сложится, то ни за что в жизни не пошла бы на поводу у его подлого отца.

…Сона почти бежала домой, чтобы поскорее сообщить радостную новость родителям. Ради этого она даже впервые пропустила тренировку Ухена. Она уже предвкушала, как обрадуется мама, а папа предложит пожарить ребрышки и, может быть, даже разрешит в честь такого события впервые попробовать соджу. Наконец-то их дочь поднялась в школьном рейтинге на первое место! Ей надо продержаться еще

полгода, и тогда шансы на поступление в Сеульский возрастут в разы. У нее словно выросли крылья: наконец-то все труды начали окупаться, и до поставленной цели осталась пара шагов. Тренер национальной баскетбольной сборной предложил Ухену присоединиться к их команде, и, если все сложится, как надо, уже совсем скоро они вдвоем уедут в Сеул и начнут самостоятельную жизнь.

Замечтавшись, Сона не заметила, как из припаркованного у соседнего дома черного BMW вышел отец Ухена и негромко окликнул ее. Уже схватившись за прутья калитки, она обернулась и поспешно поклонилась.

– Здравствуйте, господин Ким.

– Привет, Сона, уделишь мне пару минут?

Она неохотно разжала пальцы и кивнула. Кандидат в мэры выглядел очень презентабельно и… пугающе. Когда она бывала у Ухена в гостях, старалась не попадаться ему на глаза, потому что от его тяжелого взгляда опускались плечи и внутри все сжималось. И, хотя он всегда был доброжелателен и любезен, Сона нутром чуяла, что не нравится ему. Да и Ухен не добавлял уверенности, откровенно пасуя перед властным отцом.

– Садись в машину. – Он открыл для нее дверь, но Сона отрицательно покачала головой. Это было не очень вежливо, однако она никогда не делала того, чего ей не хочется, и рядом с домом чувствовала себя более уверенно и спокойно.

– Извините, но меня ждут родители, поэтому, если вы не

против… я бы поговорила здесь.

Господин Ким хмыкнул и что-то неразборчиво пробормотал.

– Ну что ж, ладно. – Он засунул руки в карманы черных брюк и сделал два шага по направлению к Сона. – Где Ухен?

– На тренировке, – односложно ответила она, инстинктивно отступая назад.

– На тренировке, значит… – Господин Ким почесал переносицу и обманчиво любезно улыбнулся. – Видишь ли, Сона, я деловой человек и не привык долго ходить вокруг да около. Скажу прямо. Мне не нравится, что ты встречаешься с моим сыном.

Сона знала, что когда-нибудь этот разговор случится, но не думала, что это произойдет так скоро. И не была готова к нему. Она молчала, ожидая продолжения.

– Ты хорошая девочка, и против тебя лично я ничего не имею. Но не хочу, чтобы мой сын крутил роман с дочерью владельца закусочной и внучкой хэнё. Я скоро стану мэром, и Ухену придется тщательно выбирать круг общения.

Сона дернулась, но выдержала его взгляд. Сжав пальцами края юбки, смело подняла пылающее от унижения лицо.

– Господин Ким, когда-то вы были сыном мясника. И это не помешало вам стать кандидатом в мэры. – Она сама не знала, откуда у нее, сопливой девчонки, взялась наглость такое сказать, но собственная смелость придала ей сил, и Сона уже не чувствовала страха. Лишь желание защитить свое

любой ценой.

Брови Ким Мёнхо взлетели вверх, и в его глазах будто на мгновение вспыхнул страх. Но уже через секунду он натянуто рассмеялся и наклонился к ней, чтобы их лица оказались вровень.

– А ты очень похожа на Юми. Тоже любишь торговаться.

Он назвал ее маму по имени, и это было странно. Она никогда не говорила, что они с отцом Ухена настолько близки.

– Что это значит? – нахмурилась Сона.

– Чего еще я мог ожидать от внучки хэнё! Вы презираете патриархальные устои и не уважаете мужчин! – повысил голос господин Ким, угрожающе нависая над девушкой.

– Мужчин, достойных уважения, мы уважаем. – Сона не дрогнула, понимая, что это битва характеров, и если она сейчас проиграет, то потеряет все.

Секунду они сверлили друг друга взглядами, а затем господин Ким отступил и опустил голову.

– Хорошо, – вздохнул он. – Не хотелось прибегать к крайним мерам, но, похоже, придется. Если ты не откажешься от Ухена, он никогда не сможет играть в баскетбол. И неважно, что мне придется для этого сделать. Даже переломать ему ноги. Я не позволю, чтобы ты крутилась возле моего сына. Выбирай!

Глаза Сона потрясенно расширились, и в этот момент она поняла, что битва проиграна. Ухен грезил этой мечтой, это было его самым заветным желанием. Он тренировался, не

жалея себя, приходил в зал даже больным и говорил, что без баскетбола не сможет жить. Казалось, его отцу было наплевать, чем занимается сын, но, оказывается, он прекрасно знал о его страстном увлечении. И сейчас откровенно шантажировал этим Сона. Она понимала, что в случае отказа господин Ким сдержит свое слово и перекроет сыну кислород – для этого у него было более чем достаточно возможностей, – а Ухен, к сожалению, не обладал ни твердостью, ни характером, чтобы сопротивляться авторитету отца. И, если по вине Сона Ухену придется отказаться от мечты, что станет с их любовью? Сможет ли он смотреть на нее с прежней теплотой и нежностью? Или будет всегда винить ее в том, что ему обрезали крылья?

Сона было всего двадцать, и ей предстояло сделать первый и самый сложный в ее жизни выбор. И она выбрала мечту Ухена. Мечту, которую он так и не смог осуществить.

Это воспоминание отравляло ее жизнь семь лет. Она мучилась сомнениями, правильно ли поступила тогда. Стоило ли рассказать Ухену? Но это могло испортить не только его будущее, но и их отношения с отцом, и Сона отступила. Нашла какой-то нелепый предлог и уехала в Сеул, пытаясь забыть обидные слова, которые наговорил ей на прощание Ухен:

– Ты эгоистка, которая всегда думала только о себе! Я был для тебя помехой, и теперь ты просто нашла повод, чтобы наконец избавиться от меня!

Если бы только этот идиот знал! Но она не сказала ему тогда, а сейчас раскрывать правду было уже поздно.

Раздираемая прошлым, настоящим и будущим, Сона все-таки задремала и сквозь забытье слышала, как встала бабушка и, громко топая, стала куда-то собираться.

Окончательно проснувшись после полудня, Сона уже не была так решительно настроена отвоевать Ухена. Выйдя из дома, она поняла, что перед ней стоит гораздо более серьезная и жизненно важная задача: найти работу. Оценив хозяйским взглядом залитый солнечным светом двор, Сона удрученно покачала головой. Днем он выглядел еще печальнее, чем ночью. Прикидывая, что можно сделать, она взяла телефон. Дом был еще в более-менее неплохом состоянии, и, если купить кофемашину, то здесь вполне можно жить. Но вот постройки во дворе требовали немедленной реконструкции. Залатать трещины, покрасить стены, поставить новую дверь в сарай – это минимум, который был необходим. И первым делом нужно убрать гору ненужной рухляди, сваленной в правом углу двора, среди которой Сона разглядела прогнившую деревянную лестницу, детский стульчик и выглядывающие сквозь ленты полиэтилена старые игрушки. Ужас. Причина, по которой бабуля не выбрасывала весь этот хлам годами, оставалась неясной, но Сона твердо решила навести здесь порядок, потому что для нормальной жизни она нуждалась в комфорте.

Заранее представляя, как будет ворчать бабушка, когда

узнает о ее планах, она открыла сайт строительных материалов. Пролистав вниз, вдруг остановилась, враждебно глядя на экран: поверх всех вкладок высветился входящий звонок от Хесу. Сердито скинув вызов, Сона продолжила просматривать сайт, но настрой уже сбился, и мысли постоянно возвращались к звонку подруги. Она жутко злилась и совершенно не испытывала желания с ней разговаривать. Будто прочитав ее мысли, Хесу настрочила подряд пять сообщений, которые Сона даже не открыла.

– Еще смеет делать вид, будто ничего не произошло! – проворчала Сона, выключая телефон.

Так и не выбрав стройматериалы, она вернулась в дом, не зная, чем заняться. Было очень странно понимать, что не нужно бежать на работу и что в ее полном распоряжении весь день. Но от этого становилось еще хуже: потеряв цель, она просто не знала, чем себя занять, и от этого чувствовала странную, холодную пустоту. Еще со школьных времен Сона была главной активисткой, старостой класса и лучшей ученицей. В университете она всегда была главным организатором всех мероприятий, выездов на природу и различных конкурсов. Без бурной деятельности она чувствовала себя ненужной.

Засучив рукава, Сона решительно вышла во двор, пообещав себе избавиться от ненужного хлама и освободить пространство. На месте огромной груды мусора можно было бы поставить милую беседку, чтобы по утрам пить кофе и на-

слаждаться свежим воздухом.

Сняв с крючка на стене сарая резиновые перчатки, она подошла к свалке и сморщилась от отвращения. Приподняв наполовину сгнившие доски, Сона обнаружила под грудой скомканного полиэтилена огромный тюк шмотья, завернутого в старое синее покрывало. Прикинув, стоит ли целиком оттащить его на мусорку или все же просмотреть содержимое, она склонилась к последнему варианту и брезгливо развязала узел. Запах старого, несвежего белья ударил в нос, и Сона с отвращением отпрянула. «Вот для чего складывать в тюк всю эту дрянь? Неужели нельзя было сразу выкинуть?»

Перебирая старые юбки, кофты и бабушкины трико, она вдруг наткнулась на что-то твердое и, запустив руку поглубже, вытащила большой старый фотоальбом. Кожаные края смялись и истрепались от времени, а страницы пожелтели. Сона раскрыла иссохшиеся листы и чуть не выронила альбом из рук: так больно отозвалось сердце на поблекшие от времени снимки.

Это была ее мама. Каждое фото, бережно вставленное в вырезанные на листах прорези, рассказывало о ее счастливом детстве. Вот она совсем малышка, сидит на детском стульчике, очень похожем на тот, который сейчас валялся в этой свалке. Пухлые губки изогнулись в плаксивой гримасе, а маленькие ручки упрямо сжались в кулачки. Девочке явно не нравилась затея родителей устроить фотосессию. Улыбаясь, Сона сморгнула слезы. Вспоминая свои детские снимки,

она поняла, что внешне они совсем не похожи, зато упрямство и настойчивость в достижении целей совершенно точно достались ей от мамы. Пролистывая страницу за страницей, она с любовью наблюдала, как мама взрослела, становясь красивой высокой девушкой с гордым взглядом. Смешная по нынешним меркам школьная форма прятала изящную, стройную фигуру, но не могла скрыть привлекательности юной девушки.

Досмотрев альбом до конца, Сона заметила, что почти на всех фото рядом с мамой стояла какая-то незнакомая девочка. Она всмотрелась в ее лицо, припоминая всех маминых школьных подруг, с которыми та активно общалась и после выпуска, но эта девушка была ей совершенно не знакома. Каждое ее фото было пронизано теплом и нежностью: склоненная к плечу голова, искренняя, восхищенная улыбка, трогательные объятия. Сона с интересом разглядывала мягкие черты юного девичьего лица, чуть вьющиеся волосы и милую улыбку. Ее красота была не броской, как у мамы, но очень женственной, нежной и невольно располагающей к себе.

Аккуратно вынув снимок из прорезей, Сона посмотрела на оборот. «Я и Минхи – подруги навек!» – гласила надпись, под которой стояла дата: пятнадцатое сентября тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. За семь лет до рождения Сона. Судя по такому количеству фото маминой подруги, у них были очень тесные отношения. Чем же закончи-

лась такая трогательная дружба? И где теперь Минхи? Мысли о дружбе вернули Сона к вчерашнему предательству Хесу. Вполне возможно, и их постигла та же участь…

– Чем ты тут занимаешься, девчонка?!

От неожиданности Сона едва не выронила альбом. Тяжело переваливаясь с ноги на ногу, бабушка устремилась к ней и грубо вырвала его из ее рук.

– Я решила навести здесь порядок и нашла… – растерянно пролепетала Сона. Единственный человек, перед которым она пасовала, стоял сейчас перед ней и испепелял ее сердитым взглядом.

– Кто тебе разрешил трогать мои вещи? – громко выкрикнула женщина, пряча альбом за спину, словно ребенок – любимую игрушку.

– Да посмотри, что ты здесь устроила! По-твоему, так можно жить? – вскипела Сона, невольно повышая голос.

– Не твое дело, как я живу! Ты не интересовалась мной много лет, а теперь вдруг явилась и решила навести свои порядки? – клокотала от гнева бабушка, угрожающе наступая на озадаченную такой реакцией внучку.

– Это ты не поддерживала со мной связь! – в тон ей возмутилась Сона, с вызовом вскинув голову. – Ты специально отказывалась покупать сотовый, чтобы я тебе не звонила, и не ответила ни на одно мое письмо! О том, что ты вообще жива, я знала только благодаря Хесу. Почему ты это делала? Чтобы сейчас иметь возможность упрекать меня?

Морщинистое лицо исказилось неподдельной болью, будто Сона нанесла ей глубокую рану. Она опустила голову, и несколько седых кудряшек трогательно упали ей на лоб. Когда-то грозная, сейчас Со Миндже выглядела такой виноватой и беспомощной, что вся злость на нее тут же испарилась. Сона протянула руку, чтобы приобнять старую, больную женщину, но бабушка отшатнулась от нее, и ладонь осталась висеть в воздухе.

– Почему ты отняла у меня альбом? Что в нем такого? – уже мягче спросила Сона, с жалостью глядя на бабушку.

Вскинув на внучку выцветшие глаза, она медленно произнесла:

– Ничего не трогай в этом доме. Он не твой.

Повернувшись, бабушка грузно протопала к дому и скрылась за дверью своей комнаты, оставив Сона в полной растерянности. Если альбом был дорог ей как память о погибшей дочери, то почему она выбросила его? И из-за чего так разозлилась, когда Сона его нашла? Что-то здесь было не так. Подозрение только подогрело интерес, и она решила во что бы то ни стало выяснить, в чем дело. Но не сейчас, а когда разъяренная бабушка немного успокоится и потеряет бдительность.

Прошмыгнув в свою комнату, Сона схватила сумку и поскорее выбежала из дома. Она ничего еще не ела, если не считать нескольких глотков омерзительного кофе на рассвете. Желудок требовал еды, и Сона отправилась к своему

некогда любимому кафе, чтобы поесть пудэ чиге[5]. Солнце уже клонилось к горизонту, отражаясь от неспокойной бирюзовой поверхности воды ослепляющими бликами. Немного задержавшись возле ограждения, она опять невольно залюбовалась бесконечным морским простором, разбитым у берега выступающими черными камнями.

Чеджу был удивительно красивым местом. И, как ни пыталась Сона убедить себя в том, что ненавидит это остров, но в глубине души восхищалась его уникальной, невыразимо прекрасной природой. Густые кустарники ярко-розового рододендрона спускались вниз, к дикому пляжу, продолжавшемуся широкой песчаной полосой. По разрезающей голубой простор каменистой косе они с Хесу бегали наперегонки после школы, пока однажды Сона не свалилась в воду и чуть не утонула. Она до сих пор отчетливо помнила холодные объятия моря и невидимую силу, будто специально тянувшую ее ко дну. Сона тогда еще только-только научилась плавать, и именно это спасло ей жизнь. Испуганный, беспомощный плач Хесу по-прежнему звенел в ушах так ясно, словно все это произошло вчера. Отец тогда здорово разозлился и запретил ей даже близко подходить к воде. Да Сона и сама бы не стала: даже спустя много лет она не забыла, как кто-то снизу дергал ее за ноги. И это жуткое воспоминание, приукрашенное живым детским воображением, прочно засело в голове, укоренившись там в виде панического страха откры-

---

[5] Пудэ чиге – острый корейский суп с добавлением лапши, сосисок, ветчины.

того водного пространства. Конечно, повзрослев, Сона отдавала себе отчет в том, что ей показалось, и никаких подводных монстров не существует, но все равно боялась воды.

Вдруг на горизонте глаза различили крошечную точку, медленно приближающуюся к берегу. Сона напрягла зрение, с удивлением обнаружив, что это человек. «Это дикий пляж, здесь нельзя плавать. Как его сюда занесло?» – подумала она и, интуитивно почуяв неладное, поспешила вниз. Сбросила кроссовки и, придерживая подол длинной юбки, с опаской подошла к кромке воды. Загадочный пловец медленно, но верно приближался, однако размашистые гребки с каждым движением становились все более медленными и вялыми. Приложив ладонь к глазам, чтобы закрыться от жгучего солнца, Сона осмотрелась в поисках вышки спасателей, но пляж был пустынен на сотни метров в обе стороны. Девушка в волнении впилась пальцами ног в жесткие крупинки вулканического песка, не сводя глаз с пловца. Если что, то Сона знала… Она не сможет ничем помочь.

Но, к ее облегчению, через несколько минут маленькая фигурка достигла мели и, тяжело разрезая ногами набегавшие волны, вышла на берег. По черному гидрокостюму и утяжелителям на поясе Сона сразу же узнала в незнакомке одну из ныряльщиц хэнё.

– Бабушка, с вами все в порядке? – подбежав к шумно отдувавшейся старушке, Сона пыталась заглянуть в ее мокрое лицо и определить, нужна ли ей медицинская помощь. Жен-

щина тяжело опустилась на песок и стянула с головы капюшон, выпуская наружу седые короткие кудряшки.

– Айгу… Все нормально, деточка… – пыхтя, ответила она и с трудом отстегнула пояс. По неловким движениям было видно, как она измотана.

– Почему вы одна? Где остальные? – Ныряльщицы обычно выходили на охоту группами, и Сона огляделась в поисках других хэнё. Однако больше никого не увидела и вновь с беспокойством посмотрела на пожилую женщину.

– Течением унесло… Да еще и весь улов там остался! Ай-ай-ай, все этот проклятый осьминог… Внучка приехала на каникулы из Сеула, захотела суп из осьминога, ну я и… А он, зараза, вертлявый, вот пока я за ним, меня и унесло далеко от лодки… Как же так… как же так, – сокрушалась старушка, с досадой качая головой.

«Осьминога можно купить на любом рынке Чеджу, незачем было гонять бабку в море», – сердито подумала Сона, слушая причитания старушки. На вид она казалась даже старше ее бабули: совсем седая, лицо сплошь испещрено мелкими морщинами. Но держалась, как ни странно, бодрее и выглядела крепче.

– Вы далеко живете? Вам нужно переодеться. Мой дом вон там, на холме, давайте поднимемся, и я найду вам что-нибудь из бабушкиной одежды, – предложила Сона, протягивая руку, чтобы помочь ей подняться.

– Ты внучка Миндже? – прищурилась хэнё, и Сона на се-

кунду растерялась: она не привыкла, чтобы кто-то звал ее бабушку по имени.

– Да, я Ли Сона, – поклонилась девушка, не понимая, почему старушка так пристально ее разглядывает.

– Приехала, значит, – утвердительно кивнула старушка. Опираясь худыми руками на песок, она тяжело поднялась на ноги, оказавшись лицом к лицу с Сона. – Миндже две недели, не умолкая, говорила о том, что внучка должна приехать. Все никак дождаться тебя не могла.

Она тепло улыбнулась и грубовато похлопала удивленную девушку по плечу.

– Бабушка меня… ждала? – тихо переспросила Сона, думая, что неправильно что-то поняла.

– А как же! Только об этом и говорила. Ну, пойдем, что ли? Миндже сегодня не выходила в море, значит, дома, должно быть? – Она махнула рукой, приглашая Сона подняться вместе с ней.

Сона кивнула. Старушка, прихрамывая, поднялась на дорогу, волоча за собой утяжелители. Обернувшись на отставшую девушку, остановилась и серьезно сказала:

– Миндже всегда такой была. Твоя мать от нее ни разу доброго слова не слышала, но ты бы видела, как она кидалась на ее защиту! Один раз чуть за волосы не оттаскала учительницу математики, которая сделала ее дочери замечание из-за красной помады. Юми была такой красавицей! Все ее красоте завидовали, даже учителя. Миндже только кажется

равнодушной, но она все готова была отдать за дочь и за тебя.

Сона слушала, опустив глаза и совсем забыв о том, что нужно помочь донести черный пояс с металлическими грузами. Ей казалось, будто старушка говорит вовсе не о ее бабушке, но где-то в глубине души загорелся маленький, теплый огонек и уверенность, что бабуля все же любит ее. Просто не умеет это показать.

– Ты бы знала, как Миндже радовалась рождению дочери и внучки! – продолжала старушка, медленно поднимаясь в гору. – Для нас, хэнё, нет ничего радостнее рождения девочки. Мы все надеемся, что дочь займется нашим ремеслом и продолжит традиции. Но последняя молодая хэнё умерла почти тридцать лет назад, и с тех пор у нас не появилось ни одной ученицы. Молодые девушки нынче хотят сделать карьеру и уезжают в Сеул. Как ты и моя внучка.

Голос старушки погрустнел, и Сона, вопреки здравому смыслу, почему-то почувствовала укол вины. Она мало что знала о хэнё: почему в свое время эти женщины решились стать ныряльщицами, что это для них значило и насколько они любили свое дело.

– Бабушка, почему вы решили стать хэнё? – спросила Сона, уже видя вдалеке голубые решетки своего забора.

Ныряльщица повернулась к ней с искренним удивлением в глазах, будто Сона спросила какую-то несусветную глупость.

– Так жили моя мать и моя бабушка. У нас не было дру-

гих средств к существованию, и стать хэнё было так же естественно, как есть, пить и спать. Мы просто не умели по-другому.

– А потом? Времена давно изменились, эта профессия сейчас не нужна, – осторожно возразила Сона, глядя на сморщенный профиль своей неожиданной собеседницы.

– Как это не нужна? Кто же тогда будет хранить наши традиции, если не мы сами? – искренне изумилась старушка. – Мы должны этим заниматься, пока не сможем передать свой опыт другим, тем, кто продолжит наше дело после нас. Сейчас все перемешивается: мы перенимаем привычки запада, они наши, но если не хранить то, что есть только у нас, то вскоре от нас самих ничего не останется. Мы – корейцы и должны гордиться этим!

Сона задумалась. Они родились в разное время, и у них были совершенно разные убеждения, но, если подумать, старая хэнё была права. Сона тоже не хотела, чтобы их нация утратила свою индивидуальность.

– Почему ты не хочешь стать хэнё? – вдруг спросила старушка.

– Это слишком тяжело, и… я боюсь воды, – призналась Сона. Да она никогда и не воспринимала всерьез эту профессию, в глубине души всегда считая, что ее бабушка занимается глупостями вместо того, чтобы получить образование и найти себе более достойное занятие.

– У всех есть страх моря. Оно слишком непокорное, и его

нужно уважать, иначе оно поглотит тебя. Но от этого страха можно избавиться, если…

– Эй, Гона, ты чего тут забыла? – послышался недовольный голос бабули из-за ворот.

– Старая ворчунья, вечно тебе все не так, – беззлобно ответила хэнё и вошла во двор. – Вот, встретила твою внучку, она пригласила меня в дом.

– Течением унесло? – окинув взглядом подругу, полуутвердительно спросила бабушка.

– Да… осьминог, зараза такая…

– Бабушка, мне пора! – Сона решила напомнить о себе и попрощаться. – Была рада с вами познакомиться, еще увидимся!

– Да-да, деточка, иди! – заулыбалась бабушка Гона, и за закрывшейся калиткой Сона услышала. – Какая хорошая девочка! И такая красавица, хоть и совсем не похожа на Юми. Кого-то она мне напоминает…

– Не говори ерунды, заходи уже быстрее… – проворчала бабуля, и подруги удалились в дом.

О желании поесть напомнил громко заурчавший желудок. Время уже близилось к семи, и на улицы в поисках тусовок высыпал народ. Сона разглядывала изменившийся, но все такой же знакомый родной город. Вдоль прибрежной полосы построили много новых пятизвездочных отелей, и Чеджу все больше привлекал иностранцев, которые значительно разбавляли местное население. Даже в Сеуле было меньше ту-

ристов. Свернув со своей улицы, Сона прошла мимо одной из кофеен Coffee bay и порадовалась, что завтрашнее утро начнет с нормального кофе.

Поднимаясь в гору и наблюдая за бурной жизнью острова, Сона вдруг поймала себя на незнакомых или же давно забытых ощущениях. Чувствуя дуновение жаркого влажного ветра и глядя на толпы смеющихся людей, она вдруг обнаружила внутри такую легкость, которую не чувствовала уже давно. Словно у нее все только начинается, и впереди ждет насыщенная, интересная и очень счастливая жизнь. Странно, ведь ее уволили с работы и только что предала лучшая подруга, но почему-то именно сейчас казалось, что все будет хорошо. Она найдет свое призвание и обязательно станет счастливой.

Она уже собиралась открыть дверь кафе, как вдруг ее кто-то окликнул:

– Ли Сона!

Она обернулась, и губы непроизвольно растянулись в радостной улыбке. Ким Хван. Старший брат Ухена, внебрачный сын мэра Чеджу. Он ничуть не изменился с их последней встречи: все такая же свободная белая футболка, рваные джинсы, небрежная прическа и обезоруживающая улыбка. Ему было тридцать четыре, но из-за веселого, жизнерадостного нрава никто не давал ему больше тридцати. Он подбежал к Сона и открыл для нее дверь, пропуская вперед.

– Вернулась и даже не позвонила! Зазналась после столи-

цы? – шутливо погрозил он пальцем.

– Да я просто… – Он был единственным, кого Сона действительно рада была видеть, и улыбка не сходила с ее лица, пока они располагались за столиком на втором этаже возле окна.

– Ну наконец самая красивая девушка острова вернулась! И мужчины Чеджу опять потеряют сон, – открыто рассмеялся Хван и крикнул официанту. – Две порции, пожалуйста!

– Да перестань, о чем ты говоришь… – Сона льстило его внимание, и ей нравилось осознавать, что Хван к ней все еще неравнодушен. Хотя прошло уже семь лет.

– Ну, рассказывай, чем собираешься заняться? – спросил он, наблюдая, как официант наливает в большую емкость посреди стола горячий говяжий бульон.

– Ты не спросишь, почему я вернулась? – вопросом на вопрос ответила Сона, наблюдая за его реакцией.

– Зачем? – удивленно поднял брови Хван. – Если вернулась, значит, на то были причины. Это твое дело.

– Ты всегда был самым адекватным человеком из всех, кого я знала, – облегченно вздохнула Сона, радуясь, что не придется рассказывать о своем унизительном увольнении.

– Меня больше интересует твое будущее, чем прошлое. – Аккуратно запуская по очереди в бульон лапшу, нарезанные кружочками сосиски, колбасу и грибы, Хван многозначительно приподнял брови и чертыхнулся, когда горячая капля брызнула ему на руку.

– Ты попал в точку, – решила признаться Сона. – Я понятия не имею, чем хочу заниматься. У меня есть два-три месяца, чтобы определиться, пока не кончатся деньги. А потом, вероятно, бабуля выгонит меня из дома. Или заставит нырять вместе с ней за моллюсками.

Она невесело усмехнулась, помешивая аппетитно пахнущий, кипящий суп.

– Слушай, а это неплохая идея… – задумчиво протянул Хван, и Сона удивленно подняла брови.

– Нырять?

– Нет, я не про то. Я сейчас работаю в дайвинг-центре, и нам нужен сотрудник. Не хочешь попробовать?

– Ты же знаешь мою главную фобию, – проворчала Сона, накладывая палочками лапшу себе в миску. – Я боюсь воды.

– С этим мы разберемся, – небрежно пробурчал Хван, шумно втянув ртом огненную лапшу. – Нам сейчас нужен менеджер по туризму. Квалификация дайвера на первом этапе не обязательна. Главное – продать тур и найти клиентов. Английский у тебя, насколько я помню, в норме, а на внешность мужики будут клевать только так! Да и с поиском клиентов сильно морочиться не надо: сейчас сезон, на остров приезжают толпы туристов. Они нас сами находят.

Сона задумалась. Она никогда не рассматривала такой вариант работы, но Хвану доверяла и знала, что он не втянет ее в какую-нибудь авантюру.

– Ты сказал, квалификация не нужна на первом этапе. А

что потом? Мне все равно придется ее получить? – Она заинтересованно подалась вперед, уже рисуя в воображении уютный офис и восторженных иностранцев, которые благодарят ее за прекрасно подобранный тур и великолепный сервис.

– Если ты захочешь остаться в сфере продаж – да. Но это ведь необязательно? Если ты хорошо себя покажешь, а с целеустремленностью и упорством у тебя проблем нет, то можешь запросить перевод в главный офис на чисто административную работу. Все зависит от тебя. – Хван целенаправленно вылавливал из супа кружочки сосисок, и Сона шлепнула его по руке.

– Мне-то хоть оставь! – Она обиженно надула губы и задумалась, глядя на довольную физиономию друга. – Думаешь, стоит попробовать? Я никогда не занималась продажами, у меня филологическое образование… Они меня возьмут?

– С каких пор ты стала такой неуверенной в себе? Что там с тобой делали в этом Сеуле? – удивленно вскинул брови Хван, откинувшись на спинку стула. – Тебе же всегда было море по колено!

– Наверное, возраст, – хмыкнула Сона, глядя, как друг удовлетворенно поглаживает живот.

– Короче, если ты хочешь, я завтра скажу о тебе начальству, и они назначат встречу. Ну что, идет?

Сона колебалась всего секунду. И правда, чего она вдруг испугалась? Страшнее того, что произошло на ее прошлой работе, уже быть не может. Да и Хван не станет ее подстав-

лять.

– Идет, – улыбнулась она и шутливо пожала протянутую руку.

Вечер на Чеджу был по обыкновению душным и влажным. Хван зачем-то вызвался ее проводить, и теперь они не спеша поднимались по дороге к ее дому. Солнце время от времени пряталось за густые ватные облака, и в воздухе витал запах приближающегося дождя.

– Как ты стал дайвером? Когда я уезжала в Сеул, ты вернулся из армии и собирался поступить на госслужбу.

Сона украдкой взглянула на Хвана, подумав о том, что меньше всего ему подходила работа госслужащего. Он был слишком свободным, непокорным, не таким, как все, кого она знала. Хван улыбнулся краешком губ и бросил на нее лукавый взгляд.

– Этого хотел мой отец, но не я, – ответил он, глубоко засунув руки в карманы рваных джинсов. – Ты же помнишь, какой скандал вызвало мое появление? Внебрачный сын будущего мэра! Выборы оказались под угрозой, и только связи отца уладили дело. Он, видимо, решил: раз не получилось прятать меня до конца жизни, то нужно сделать из меня человека. Но это не по мне, я проживу жизнь так, как хочу. И не собираюсь за это перед кем-то извиняться. Я не Ухен.

При упоминании этого имени сердце Сона внезапно дало сбой. Все верно, Хван был прав. Ухен никогда не смел идти против воли своего богатого и влиятельного отца. Он всегда

был трусом, и ее жертва была напрасной.

– Я рад, что у вас с ним не сложилось, – будто прочитав ее мысли, вдруг сказал парень. – Он тебе не подходит.

– Да что ты? А кто подходит? Ты? – рассмеялась Сона. Ей ужасно нравилась честность и прямолинейность давнего друга. И если подумать, то только с ним она чувствовала себя самой собой. Никакого притворства и масок.

– Естественно! Кто ж еще! – в тон ей ответил Хван и шутливо приобнял ее за плечи. – А если честно, я очень рад, что ты приехала. Я знал, что ты когда-нибудь вернешься.

– Не могу с тобой согласиться, но… время покажет, – улыбнулась Сона.

Они прошли мимо двухэтажного особняка мэра, и она спросила:

– Ты теперь здесь не живешь?

– Конечно, нет! Я же не сумасшедший – жить с этой семейкой. – Он смешно закатил глаза и в притворном ужасе покачал головой. – Снимаю квартиру неподалеку от офиса.

Оглянувшись на голубые решетки железных ворот, Сона остановилась и повернулась к Хвану.

– Спасибо, что проводил. Была очень рада тебя встретить.

– Взаимно. Как только что-то решится с работой, я тебе сразу же сообщу. У тебя ведь прежний номер? – Он достал из кармана сотовый и показал ей экран.

– Все верно. С меня ужин! – Сона помахала ему рукой, и Хван, напоследок лучезарно улыбнувшись, побежал вниз.

Глядя на его удаляющуюся спину, Сона грустно улыбнулась: Хван столько пережил из-за своего отца, но не утратил бодрости духа. Он был сама жизнь. Веселый, неунывающий, озаряющий все вокруг.

Порыв прохладного ветра взметнул длинную юбку и растрепал волосы. Сона посмотрела на темнеющее небо, которое стремительно закрывали черные тучи. «Будет шторм, – подумала она. – Значит, бабушка несколько дней не сможет нырять». Отражающее черноту неба море угрожающе колыхалось, выплескивая на берег белую пену волн. У Сона захватило дух от мрачной величественности зрелища, демонстрирующего всю неистовую силу природы. Она подошла ближе, глядя на бушующую стихию. В ее жизни сейчас тоже бушевал шторм, но, чувствуя порывы ветра, она подумала, что завтра уже будет солнце. Ветер прогонит тучи и расчистит небо. И тихая гладь моря опять заискрится в горячих утренних лучах.

Уже собираясь уйти, Сона вдруг остановилась от неприятного ощущения чужого взгляда на спине. Маленькая, хрупкая девушка стояла по колено в воде между двумя черными камнями, и густые волны безжалостно разбивались о ее спину. «Что она делает? Самоубийца? – испугалась Сона, совсем растерявшись. – Позвонить в полицию? Или для начала подойти к ней? А что спросить? Извините, вы случайно не собираетесь покончить с собой? Бред…»

– Госпожа, у вас все в порядке? – прокричала она, но ее

голос проглотил ревущий ветер. – Какого черта…

Проклиная все на свете, Сона побежала на пляж, едва не подворачивая ноги на выдолбленных в земле ступенях. Подхватив подол юбки, она устремилась к одинокой фигурке. Лицо незнакомки облепили длинные волосы, и Сона не видела ее глаз, но почему-то казалось, что девушка пристально смотрит на нее. Кроссовки увязали в песке, и Сона едва не упала, подвернув ногу.

– Вот дерьмо, – выругалась она сквозь зубы, потирая ноющую лодыжку. – Какого хрена ее понесло в шторм на море!

– Сона! Сона, ты как? – услышала она позади взволнованный голос и удивленно обернулась. Ухен бежал к ней со всех ног, и его лицо выражало сильнейшее беспокойство.

– Что ты здесь забыл? – опешила она, отталкивая его руки, когда он попытался поддержать ее за локоть.

– Увидел, как ты ринулась на пляж, и прибежал. Что ты здесь делаешь в такую погоду? Сейчас начнется гроза, нужно вернуться домой! – Он запыхался, грудь тяжело вздымалась под легкой рубашкой, которую в разные стороны рвал бушующий ветер.

– Тут девушка в воде, я подумала, вдруг ей нужна помощь, – избегая его взгляда, сказала Сона и посмотрела туда, где стояла незнакомка.

– Какая девушка, ты о чем? – рассердился Ухен. – Тут никого не было. Пойдем, нужно скорее возвращаться.

В сердце ледяным комом упал страх: берег был пуст.

– Боже, где она? – закричала Сона, бросаясь к воде. – Она утонула! Ухен, нужно спасти ее, быстрее!

– Подожди! – Она едва не упала, грубо остановленная его рукой. – Кто утонул? Тут никого не было!

– Пусти меня! Человек утонул! – выкрикнула она ему в лицо и бешено рванула к воде, но Ухен крепко ее держал и тянул за собой наверх. – Ты хорошо плаваешь, скорее, помоги же ей!

– Я что, идиот – нырять в такую погоду? Говорю тебе, я бежал следом за тобой и никого, кроме тебя, на пляже не видел!

– Зато я видела! Нужно срочно что-то сделать! Я звоню спасателям, – стряхнув, наконец, его руку, Сона достала телефон и трясущимися пальцами набрала номер береговой охраны. Ухен вырвал сотовый и так зло посмотрел на нее, что она невольно отшатнулась.

– Успокойся! – Он встряхнул ее за плечи с такой силой, что зубы стукнулись друг о друга. – Посмотри на меня. Здесь. Никого. Не было.

– Чертов придурок, – с ненавистью выплюнула она ему в лицо, чувствуя, как губы дрожат от подступающей истерики. – Тебе всегда было наплевать на всех, кроме себя! Из-за тебя погиб человек!

– Хорошо, идем в полицию и посмотрим камеры наблюдения, – холодно согласился он и зашагал наверх.

– Когда, вы говорите, это было? – спокойно спросил офицер полиции, стуча по клавиатуре.

– Минут пятнадцать назад, – выпалила Сона, нервно теребя пальцами манжет рубашки. – Девушка… не знаю точно, сколько ей лет, но молодая… длинные волосы, одета в голубое платье с коротким рукавом.

Ее трясло от шока, язык не слушался, и она постоянно запиналась. Стоявший рядом Ухен нетерпеливо вздохнул.

– Господин офицер, она уже… наверное, ей уже не помочь, но… – пролепетала Сона, чувствуя, как горло сдавило спазмом.

– Нет никакой девушки, только вы. – Полицейский поднял голову и удивленно уставился на Сона. – Взгляните сами.

Он развернул к ней монитор, и Сона увидела себя, бегущую по совершенно пустому пляжу.

– Вот! А это я, – подал голос Ухен, тыча пальцем в экран. – Я же говорил, что бежал следом! Не хочешь извиниться?

Сона не слышала. Она напряженно вглядывалась в два черных камня, между которыми никого не было. Но она же ее видела! Даже рассмотрела принт на платье: мелкие черные цветы, издалека похожие на крупный горох. У ее мамы когда-то было похожее. Что все это значит? У нее галлюцинации?

– Пойдем домой, – тихо сказал Ухен и дернул ее за рукав.

– Может, вас подвезти? – участливо поинтересовался офицер.

– Да нет, мы живем здесь неподалеку, сами дойдем…

Разговор Ухена с копом доносился словно из-за закрытой двери. Почему-то сейчас казалось важным лишь одно.

– Как жаль, что я не видела ее лица, – прошептала Сона.

Глава 3

Даже вернувшись домой и выпив горячего чая, Сона все никак не могла прийти в себя, напуганная происшествием на пляже. Она была на сто процентов уверена, что видела девушку-самоубийцу, но камеры и Ухен говорили обратное, и это заставляло сомневаться в своей адекватности. Сона была взбудоражена и напугана, но предпочла поверить, что ей померещилось: она бы не пережила гибели человека, которого могла, но не сумела спасти. Лучше думать, что ей показалось. Она устала, не выспалась, к тому же ее очень расстроил поступок Хесу. Возможно, ее воображение сыграло с ней злую шутку? Мозг иногда выкидывает такие штуки, которые и во сне не приснятся.

Уже лежа в постели и в сотый раз перечитывая сообщения от подруги, Сона задумалась. Может быть, она зря так остро отреагировала? То, что она все еще не забыла Ухена, было только ее проблемой, и ответственность за эти чувства лежала исключительно на ней. Хесу провинилась только в том, что скрыла свои отношения, но, если быть честной, задело Сона совсем не это. Очень не хотелось признавать, но это была банальная ревность и нежелание отдавать то, что, как она считала, принадлежит ей.

Придя к выводу, что нельзя отталкивать близкого человека, который оставался рядом много лет, Сона решила завтра

же увидеться с Хесу и поговорить обо всем откровенно. А уж потом определиться, что делать дальше. Перевернувшись на правый бок, она закрыла глаза и сквозь опущенные веки увидела свечение телефона. Это был Хван.

«Я позвонил директору и рассказал о тебе. Она заинтересовалась и пообещала пригласить тебя на собеседование. Завтра позвоню!»

Сона быстро напечатала ответ с благодарностями и перевернула телефон экраном вниз. Легкий холод страха скользнул по позвоночнику. Собеседование… С недавних пор это слово стало вызывать ужас. А ведь когда-то она смело надевала деловой костюм и бойко презентовала свои сильные стороны, неизменно очаровывая работодателей и покоряя их своей решительностью и уверенностью. Уже после первых собеседований она получила три предложения о работе от известных сеульских издательств. Все складывалось как нельзя лучше. Немного подумав, Сона выбрала «Чанби» и стала младшим редактором в разделе художественной литературы.

Она обожала свой светло-коричневый полированный стол, утренний кофе с коллегами и творческую атмосферу в кабинете, тишину которого нарушал только стук пальцев по клавиатурам. Сона полностью погружалась в текст, выныривая лишь на утренние планерки и обеденный перерыв. Она ощущала себя на своем месте и была счастлива от того, что занималась любимым делом. Единственным минусом было

явное пренебрежение старших коллег, в особенности мужчин, которые каждый раз пытались сделать замечание по поводу ее экстравагантной стрижки и яркого цвета волос. Главный редактор, господин Кан, поначалу был особенно строг, заставляя ее как хубэ[6] каждый день приносить ему латте из кофейни на первом этаже. Но спустя некоторое время смягчился и даже стал приветливо улыбаться при встрече. А после успешного завершения очередного проекта по-отечески, как ей тогда казалось, гладил по спине.

Однако с каждым разом эти знаки внимания становились все более двусмысленными и неприятными. Сона не знала, как реагировать, впервые оказавшись в такой ситуации. Он был ее начальником, и она не могла ему грубить, поэтому ей приходилось стискивать зубы и изображать вежливость.

Однажды, когда Сона задержалась в издательстве, увлекшись очень интересной философской рукописью о встрече двух одиноких стариков, которые на закате жизни нашли друг в друге утешение, господин Кан вошел в ее кабинет.

– Ты еще здесь? – улыбнулся он, подходя сзади и наклоняясь к монитору, якобы заинтересованный ее работой.

– Да, – кивнула она и напряглась. Его присутствие за спиной заставляло чувствовать себя беззащитной.

Коллеги уже ушли, и, похоже, они с главным редактором

---

[6] Хубэ – младший коллега или младший сокурсник. В Корее считается, что новички, только устроившиеся на работу, должны выполнять поручения старших коллег, пока не укоренятся в коллективе.

остались в офисе одни. Сона стало не по себе, но она сделала вид, что очень занята работой. Не отрывая глаз от компьютера, выделила очередное предложение и оставила заметку на полях.

– Отдохни немного, сделай перерыв, ты, наверное, устала. – Его голос прозвучал прямо над ухом, и она с омерзением ощутила дыхание на своей щеке.

Господину Кану перевалило за пятьдесят, он был тучным, невысоким и очень некрасивым мужчиной, который страстно любил острую еду и соджу[7]. Запах съеденного им за обедом чеснока вызвал рвотный позыв, и Сона задержала дыхание.

– Я почти уже закончила, сейчас пойду домой. – Прилагая все усилия, чтобы держать себя в руках, она сохранила файл, быстро сложила стопкой свои записи на столе и выключила компьютер. Оттолкнулась от стола, чтобы встать, но рука господина Кана задержала ее стул. Сона замерла. Его дыхание опустилось ниже, и теперь она чувствовала его на шее.

– Ты такая напряженная, – послышался за спиной вкрадчивый голос. – Я помогу тебе расслабиться.

Его руки легли ей на плечи, слегка массируя и поглаживая. Сона стиснула пальцами край стола, сердце бухало в груди, внутри поднимались паника и отвращение. Что ей делать? Движения пальцев господина Кана становились все

---

[7] Соджу – традиционный корейский алкогольный напиток. Крепость варьируется от 16 % до 45 %.

наглее и развязнее, время от времени спускаясь на спину и предплечья. Она слышала его учащенное дыхание и не могла пошевелиться от ужаса. Лицо пылало от унижения и желания оттолкнуть от себя мерзавца, но какой-то иррациональный, животный страх парализовал, заставляя сидеть на стуле и терпеть гнусные прикосновения начальника. Это был страх жертвы, попавшейся в лапы к хищнику. Она должна, должна была это прекратить, но не могла. От этого ублюдка зависела ее репутация, и он мог с легкостью разрушить ее только начавшуюся карьеру. А если заявить на него в полицию, то после такого скандала Сона совершенно точно не сможет здесь работать. Хоть она и жертва, но в Корее в таких делах всегда винили женщину. Соблазнила. Вызывающе одевалась и вела себя так же. Все коллеги будут показывать на нее пальцем, презирать и шептаться у нее за спиной. В итоге ей все равно рано или поздно придется уволиться. Так не все ли равно, из-за чего? Лучше уж сохранить свою гордость и дать отпор уроду, посмевшему ее домогаться.

Сделав глубокий вдох, Сона дернула плечами, сбрасывая ненавистные руки. Обеими ногами оттолкнулась от ножки стола и, врезавшись в живот начальника, услышала сзади сердитый вскрик. Схватив сумку, она обернулась и, дрожа от пережитого потрясения, взглянула в маленькие злобные глазки господина Кана.

– Ты что …что ты себе позволяешь! – вскричал он, ткнув в нее пальцем.

– Не смейте меня трогать, иначе я отправлю записи с камер прямиком в полицию, – процедила она, чувствуя себя так, будто с ног до головы измазалась в дерьме и насквозь провоняла чесноком.

– Идиотка! Я-то думал, ты умная, а ты просто тупая, самовлюбленная дура, которая считает, что на ней свет клином сошелся. Да кому ты нужна без своей смазливой мордашки! Ты мне в ноги кланяться должна за то, что взял тебя на работу! – брызгал слюной главный редактор, вытирая ладонью вспотевший лоб. Два его подбородка тряслись от гнева, а именной пропуск на шее сдвинулся в сторону.

– Я с таким ублюдком даже за миллиард вон в постель не лягу. Сначала почистите зубы, от вас воняет, – презрительно выдавила Сона, уже не чувствуя ни капли страха. Если сейчас он скажет еще хоть слово, она с удовольствием зарядит ему между глаз. Пусть только даст повод.

Но господин Кан молчал и ничего не предпринимал, только нервно ослабил галстук и испепелял ее ненавидящим взглядом. Она поняла, что отстояла себя, и этот подонок больше не посмеет к ней приблизиться. Все говорят, что женщина должна быть мягкой, не проявлять агрессию и не воевать с мужчиной. Но именно мужчины первые затевают войну, вынуждая женщин сражаться. И только столкнувшись с соперником, который может дать отпор, позорно капитулируют.

Сона презрительно скривилась и направилась вон из ка-

бинета.

– Выглядит, как дешевая шлюха, а строит из себя невинность… – донеслось ей вслед, прежде чем она захлопнула за собой дверь. Но эти слова ее не задели. Она знала, что вряд ли ее оставят здесь работать, и это была небольшая цена за сохранение своего достоинства и самоуважения.

Но дома стыд и страх осуждения накатил с удвоенной силой. Она не могла отделаться от мысли, что подонок Кан обязательно попытается ей отомстить, а поскольку она была беззащитна перед ним, то очень опасалась последствий. Если бы ее домогались не в Корее, а где-нибудь в США, то этот урод уже давал бы показания в полицейском участке. Но Сона отлично знала, что в Корее, даже если ты жертва, тебе никто не протянет руку помощи и все равно осудят. И не ошиблась.

Видимо, господин Кан решил действовать на опережение, и на следующее утро в конференц-зале ее ждал разъяренный, как голодный тигр, генеральный директор.

– Ты с ума сошла! Какого черта ты отправила на печать еще не готовую рукопись? – стуча ежедневником по столу, вопил он. – Типография все отпечатала! Ты хоть понимаешь, на какой штраф мы влетели?

Ничего не понимая, Сона наклонилась к монитору и пролистала макет.

– Я этого не отправляла! Рукопись еще не готова, вчера я закончила только десятую главу… – растерянно пролепетала она, испуганно взглянув на бушевавшего директора.

– А кто тогда отправил? – прогрохотал он. – Мы просмотрели твою почту: вчера в девять двадцать вечера ты отправила запрос на срочную печать! Весь тираж в три тысячи экземпляров нужно перепечатать заново! Это двойные затраты!

– Я ничего от отправляла! – дрожащим голосом ответила Сона. И, поймав ехидный взгляд редактора Кана, все поняла. – Это были вы… Вы оставались в моем кабинете после того, как я ушла… Решили меня так подставить?

– Что ты несешь! Лучше извинись и придумай, как все исправить! – взвился он, будто бы кипя праведным гневом. Получилось довольно убедительно.

Сона шумно втянула носом воздух и, собрав остатки мужества, громко и четко сказала:

– Вчера редактор Кан домогался меня. Я оттолкнула его, и он решил мне отомстить. Я ни в чем не виновата, и если вы посмотрите камеры, то увидите, что письмо отправила не я!

По злобным взглядам руководителей и смущенно опущенным головам коллег она поняла, что уволена. Такой скандал не может пройти бесследно, и директора вместе с главным редактором ни за что не допустят, чтобы Сона вынесла его за пределы издательства. Конечно же, никто не позволил ей взглянуть на записи камер, и уходила она словно оплеванная. Никто из коллег, с которыми еще пару дней назад они весело обсуждали свои проекты и милые странности авторов, не посочувствовал ей, не произнес хотя бы фор-

мальных слов сожаления об ее уходе. Пока Сона складывала свои немногочисленные вещи в коробку, все делали вид, что ее не существует. Это был конец.

Неделя за неделей проходили в бесконечном мониторинге вакансий и холодных собеседованиях. Становилось ясно, что «Чанби» уже везде распустило грязные слухи о мнимой некомпетентности Сона, и крупные издательства, которые еще год назад активно предлагали ей работу, сейчас просто отклоняли ее резюме. Почта пестрела отказами, и Сона всерьез забеспокоилась. Отчаявшись найти работу в крупном издательстве, ей пришлось снизить планку и обратиться в мелкие, которые выпускали совсем не ту литературу, с которой ей хотелось бы работать. Однако делать нечего. У Сона не было подушки безопасности в виде мужа, богатого любовника или родителей. И хоть жила она очень экономно и сумела накопить определенную сумму денег, но они стремительно таяли. Ей срочно нужна была работа.

Но и здесь она потерпела фиаско: небольшие издательства хоть и не отказывали сразу, но после собеседований не перезванивали, и Сона поняла, что в этой сфере ей больше не работать. Господин Кан хорошо позаботился об этом.

Осознав всю безысходность своего положения, она прорыдала в подушку всю ночь, проклиная себя, Корею, похотливого редактора и весь белый свет. А утром проснулась с простой и ясной мыслью – ей нужно вернуться на Чеджу. Вернуться туда, где все началось, и написать новую страницу

своей жизни.

Всю ночь грохотал гром, но дождь так и не начался. Бабуля не выходила из своей комнаты, и, забеспокоившись, утром Сона постучалась к ней. За тонкой дверью послышались тяжелые шаги.

– Чего тебе? – буркнула бабушка, отступая в комнату.

– Ты хорошо себя чувствуешь? У тебя обычно колени болят на перемену погоды, – Сона зашла внутрь, поразившись царившему в спальне беспорядку.

Бабушку всегда было тяжело заставить что-то выбросить, но сейчас, похоже, ненужные вещи со всего дома плавно перекочевали к ней в комнату. Низенький стол усеивали исписанные бумажки, в углу неровными горами валялись старые потрепанные книги, настенная вешалка ломилась от давно уже изношенных вещей, которые носила еще мама в лучшем случае двадцать лет назад. Сона вздрогнула: из-под слоев неаккуратно висевшей одежды выглядывал подол синего платья в черный цветок, точно такого же, какое было на девушке с пляжа. Она вспомнила длинные черные волосы, закрывающие лицо, тонкую высокую фигуру и разбивающиеся о ее спину волны. Острая, как стрела, догадка вонзилась в сердце. А вдруг это призрак ее мамы? Нет, не может быть, какие глупости… «Как жаль, что я не видела ее лица!» – сжимая край платья, Сона замерла, мучительно припоминая детали внешности незнакомки.

– Заинтересовалась вдруг! – Язвительный голос вернул ее в реальность. Бабуля, кряхтя, неловко опустилась на разобранную постель и сердито посмотрела на внучку.

Прогнав из головы бредовые мысли, Сона села напротив, подогнув под себя ноги. Оценив масштабы бедствия, она твердо решила, что ее бабушка не должна жить в таких условиях. И даже если предстояло один на один сразиться с буйным темпераментом Со Миндже, она должна выстоять и навести здесь порядок.

– Бабуль, я хочу, чтобы ты выслушала меня и отнеслась к моему решению с пониманием. – Отпихнув ногой валявшиеся на полу несвежие носки, Сона смело выдержала ее взгляд.

– Ремонт делать не дам, можешь даже не заговаривать об этом! – взмахнула рукой бабуля, будто прогоняя внучку.

– Но почему? Вспомни, каким уютным был этот дом, когда мы жили здесь все вместе! Я очень любила…

– Ты никогда ничего здесь не любила, не ври, девчонка! – сердито перебила бабушка, демонстративно отвернувшись к окну. – Я живу, как хочу, а если тебе не нравится, можешь подыскать себе другое место.

– Когда ты перестала следить за домом? После смерти мамы? – тихо спросила Сона.

– Не твое дело! Я уже сказала, чтобы ты ничего не трогала! – огрызнулась бабуля, не глядя на внучку. Но Сона заметила, как инстинктивно опустились ее плечи и дернулись руки, вцепившись в старое одеяло.

Бабушка никогда не показывала своих чувств и даже на похоронах собственной дочери не проронила ни слезинки. Сона тогда заканчивала университет и, потеряв обоих родителей, чувствовала себя совершенно раздавленной. Но не услышала от бабушки ни слова поддержки. Тогда Сона ненавидела ее, считая, что ей плевать и на нее, и на родителей. Единственный оставшийся у нее родной человек оборвал с ней все связи. Но сейчас, видя в ее комнате старые мамины платья, ее любимое зеркало на стене и пару лакированных туфель в углу у комода, Сона поняла, как больно было бабуле. Сона потеряла мать, но бабушка потеряла дочь. Сморгнув выступившие слезы, девушка протянула ладонь, чтобы взять худую, сморщенную руку, но остановилась под разъяренным взглядом.

– Да я не собираюсь переделывать дом! Всего лишь хотела облагородить двор и отремонтировать сарай, чтобы твои снасти хранились в хороших условиях! Сама же знаешь, как быстро они выходят из строя. – Сона твердо решила довести этот разговор до нужного ей завершения, поэтому сделала беспроигрышный ход.

– Тебе что, деньги некуда девать? – сварливо буркнула бабуля, опять отворачиваясь, будто смотреть на Сона ей было неприятно. – Лучше найди работу!

– Я уже почти нашла, – чувствуя, что лед тронулся, Сона обрадовалась и поскорее рассказала о предложении Хвана. – И я скопила достаточно денег, так что об этом не переживай,

бабуль.

– Кто тут переживает, мне вообще все равно, – проворчала женщина, однако ее голос звучал уже не так категорично, а глубокая морщина на лбу слегка разгладилась, и Сона торжествующе улыбнулась.

– Сегодня же закажу все необходимое. Доверься мне, через две недели ты не узнаешь собственный двор! – В порыве нежности она дернулась, чтобы обнять бабулю, но вовремя остановилась.

– Ну ладно, так и быть, но только попробуй прикоснуться к дому! – строго сказала Со Миндже и посмотрела на Сона так, будто читала все ее мысли.

Сона вышла из ее комнаты совершенно счастливая. На улице светило ослепительное солнце, у нее появилась возможность устроиться на новую интересную работу, и бабуля впервые за много лет с ней согласилась. Похоже, жизнь налаживается! Конечно же, обустройство двора и ремонт сарая были только началом. И Сона под шумок собиралась выгрести из бабушкиной комнаты весь хлам, которым она себя обложила.

Услышав рингтон из своей комнаты, она бросилась туда в надежде, что это звонит Хван. Это действительно был он.

– С добрым утром, без пяти минут менеджер по туризму! – услышала она в трубке его неизменно бодрый голос и запрыгала от радости по комнате.

– Они согласны провести собеседование? – с колотящим-

ся сердцем спросила Сона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.